

Игорь Шестков "Цвет у Шагала"

Цвет у Шагала

Художники не виноваты в том, что у организаторов помпезных выставок нет чувства меры. Тем не менее я разозлился не на Пушкинский музей, где просмотрел триста полотен Марка Шагала, а на художника. После выставки меня тошнило, болели глаза. Как будто на электросварку засмотрелся. Картины слились в брызжащий огненными синими и оранжевыми сполохами ком. Хотелось громко заорать или в Москва-реку прыгнуть. Орать я не стал, а Москва-река, кажется, была покрыта льдом.

С опаской подходил я потом к картинам Шагала, боялся повторения московского впечатления. И действительно, мои глаза и годы спустя страдали от его красок. От поздних работ больше, чем от ранних.

Зачем Шагал перенасыщал цветом свои композиции?

В книге Моя жизнь Шагала писал: Мое искусство не рассуждает, оно - расплавленный свинец, лазурь души, изливающаяся на холст. Неправда, что мое искусство фантастично! Наоборот, я реалист. Я люблю землю.

Нет оснований оспаривать Шагала. Он реалист. И пишет лазурью души.

Перевоплощается, сопереживает.

Формы моделирует не светом и тенью, а основной краской и ее смесями с белилами. Контуры подчеркивает темными линиями и светлыми бликами.

Рисует непосредственно цветом. Густыми, терпкими тонами. Примитивист.

Высказывание - я реалист - надо, конечно, понимать в применении к реальности души мастера. Душа молодого Шагала была обожжена любовью к бытию. К живому.

Шагал писал: Немцы наступали, и еврейское население уходило, оставляя города и местечки. Как бы я хотел перенести их всех на свои полотна, укрыть там.

Как трогательно! Перенести, укрыть...

Эту задачу Шагала выполнил. Сохранил поэтический образ местечковой

культуры, уничтоженной русской революцией и двумя мировыми войнами. Подарил новые тела персонажам своего витебского детства. Вылепил их из цветного масла и пустил летать в шагаловское небо, заодно прихватив и набережные Сены и Эйфелеву башню, героев Лафонтена и Гоголя. С помощью витебских бедняков воскресил Моисея и Аарона, подарил новую жизнь библейскому народу, прикрыв его гогеновскими и эль-грековскими радугами...

"Скрипач" (1912-13) стоит одной ногой на крыше домика, другой на зеленоватом круге - Земле. В руках держит оранжево-желтую скрипку. Справа розоватая церковь с крестом, дерево с синей кроной, в которой сидят белые птицы. На снегу видны следы, как будто маленький человек прошел, только не там, внутри,

а сверху по поверхности картины.

В небе летит человеческая фигура. Три головы молодых людей, снабженных на всех только двумя ногами, устали на скрипача. Весело! Борода и волосы у скрипача синие. Загадочное зеленое лицо сияет восторгом существования.

Осенняя желтизна на переднем плане переходит через светлое в весеннюю зелень, а в середине картины снег - зима.

Окна на домиках слева нарисованы в перспективе, обратной к перспективе стен. Это перспектива воспоминания.

Все строения изображены сбоку, ландшафт превращается в многоэтажную композицию. Шляпа у скрипача белая, с красноватыми пятнами, обведена черным контуром для того, чтобы ее северо-восточная часть не сливалась с белой крышей домика. Контур появляется везде, где художнику нужно разделить поверхности, наползающие друг на друга. Сам скрипач состоит из областей (например, как Италия). Каждая область обозначена своим цветом - знаком принадлежности к некоторому энергетическому слою. Интенсивные зеленый, синий, оранжевый составляют цветовые аккорды картины-сюиты.

Все разделенные контурами области этой картины одно- или двухцветные (чтобы разбить, смазать эту идущую от кубистов особенность композиции, Шагал будет использовать впоследствии широкие мазки, откажется от контуров). Цвет давит и притягивает. Рассматривая картину, зритель попадает в пятна как в ловушки. Его взгляд остается в границах области, мечется внутри нее. Для того, чтобы удержать точку концентрации зрителя внутри пятна, внутри формы, Шагал насыщает цвет до предела возможностей масляных красок.

Шагал, ловец душ, приказывает: Зеленый! Оранжевый! Синий!

Он действительно не рассуждал как художники-аналитики, не конструировал, не экспериментировал. Знал, что делал. Заботливо собирал нектар уходящей культуры, делал мед. Замешивал на нем тесто. Формовал его знакомыми формами. ...

Уплотнял, насыщал красочную плоть своих созданий.

Пек из сладкого цветного теста новых евреев. Строил им дома. Рисовал для них новое небо.

Цвет на его картинах - это энергия их будущей жизни.